

С. С. Воронцов
(г. Новосибирск, Россия)

Исследования общества: наука, эклектика, спекуляции

«Зри в корень!»

К. Прутков.

Я заранее извиняюсь перед непрофессиональным читателем за возможные сложности восприятия текста, но вопрос не прост, а правила отбора квантовых состояний на языке Элочки-людоедки не объяснить, нужен язык Паули. Кто не поймёт некоторые места работы, тому советую ориентироваться на интонацию, как это делал А. Балаганов. Кому покажется, что он всё понял, рекомендую разобраться в терминологии, возможно, он ошибается. Потому что я сам во многом сомневаюсь. Тема настолько обширна, что нельзя быть уверенным, что чего-то не упустил. И сужать её нельзя, иначе может получиться так, как поётся в замечательном старом романсе: «За деревьями мы второпях не заметили леса, из-за малых обид потеряли большую любовь».

Сейчас на науку ссылаются все, достаточно посмотреть рекламу самых жульнических товаров и услуг в СМИ. Любой пьяненький шаман соплётся на науку, уверяя Вас в действенности его камланий.

Вопрос о критериях научности не теряет актуальности уже много десятилетий. Более того, в последнее время его важность чрезвычайно возрастает, так как не только результаты исследований естественных, социальных, гуманитарных наук, отвечающие критериям научности, становятся руководством к действию в политике, международных отношениях, вообще в процессе глобализации. Но и спекуляции на авторитете науки сплошь и рядом принимаются как руководство к действию, аргументы при этом подобны аргументам упомянутого выше шамана. Проявился странный феномен: аргументы неопозитивистов по чисто логическому обоснованию того, что никакой логикой истинность положений научной теории доказать нельзя, переродились в произвол постмодернизма,

утверждающий истинность всех умопостроений вообще, независимо от каких бы то ни было критериев. Корни этого феномена, как представляется автору, в том, что аргументы неопозитивистов, в частности, Л. Витгенштейна, логических позитивистов Венского кружка, основаны на анализе семантики языков [1]. Языки хоть и являются отражением реальности, но они – атрибут не только Природы, которую должны отражать, а также человеческого сознания. А оно содержит множество мифов, артефактов и искажений, связанных с его эволюционной природой [2]. Семантика и логика языков хороша для исследования свойств человеческого мышления и сознания, а не законов Природы. Поэтому нельзя «учиться» у языков, нужно учиться у Природы – у её элементов ценностные с чисто человеческих позиций свойства отсутствуют. В этом и заключается «метафизика» неопозитивистов, хотя они от неё всячески откращивались. Получается, что использовать неопозитивизм для исследования Природы – то же, что использовать в конечной математике не классическую и вероятностную логику [3], как это предполагалось позитивистами и некоторыми их последователями, а логику Зенона Элейского [35], в основании которой лежат предметные синтетические модели отражённой в сознании личности действительности. Ошибочность такого подхода и конкретные ошибки логики защитников постмодернизма – Жака Лакана, Юлии Кристевой, Люси Иригарей, Бруно Лятура, Жана Бодрийара, Жюль Делеза и Феликса Гваттари, Поля Вирилио, – а также некоторые злоупотребления теоремой Гёделя, теорией детерминированного хаоса и теорией множеств проанализированы в великолепной книге физиков Алена Сокала и Жана Брикмона [4].

Критерии позитивистов и их последователей в формулировках О. Конта, К. Поппера и других представляются поэтому более адекватными, ими мы и будем пользоваться. То есть основные критерии (второстепенные опустим) следующие: 1) в научных теориях и концепциях основное – наличие возможности проверки практикой, фальсификации, и непротиворечивая связь с уже проверенными и доказанными положениями и фактами; 2) в описательных науках – отсутствие субъективной метафоричности и ценностных (с позиций исследователя) ранжировок и классификаций в регистрируемых объектах, явлениях и событиях, того, что в исторической науке К. Поппер назвал историцизмом [5]. Вот так – их, критериев, получается не так уж много и не так уж они сложны. В некоторых случаях в социологических и культурологических исследованиях без ценностного подхода обойтись невозможно, но это должны быть ценности, принадлежащие объекту исследования, а не исследователю. Эти критерии можно считать свойствами знаний, продукта деятельности науки как социального института, а не как свойства отражённой в сознании человека действительности. Разумная материя – один из видов материи, которую

В. И. Ленин определил так: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них».

Жизнь сложилась так, что в рассматриваемой области наук об обществе один и тот же объект, элемент действительности, исследуют разные науки, каждая со своей терминологией и методом, мы же постараемся связать изложение именно на основе единства объекта. По логике изложения: в каждом случае сначала попробуем описать систему «словами», как говорится, синтетически, а потом смотреть, что поддаётся научному логическому анализу современными средствами, а что остаётся за бортом точных наук или наук вообще. Описывать будем в самом общем виде, без конкретизации, иначе нужно писать большую книгу, а не маленькую статью.

Социальный процесс включает в себя динамику внутривнутрипопуляционных связей, межпопуляционное взаимодействие, борьбу за ресурсы, информационное взаимовлияние и т. д., содержит вытекающие из его эволюции биосоциальные явления (Н. Н. Моисеев), поэтому попытки описания похожи на попытки известного барона вытащить себя за косичку из болота. То есть субъект-исследователь находится внутри объекта исследования, является его элементом. К тому же, как заметил К. Поппер, полученное знание тут же само становится фактором социального процесса. В соответствии с теоремами Гёделя, система в этой ситуации не может быть описана полностью, но нам полностью пока и не нужно, достаточно точности с позиций практического использования. Хотя бы чтобы понять, «как бы не пропАсть». В общем виде систему пытаются описать имеющимся инструментарием – физикалистски в термодинамических терминах (энтропии, информации и т. д.), в терминах теории детерминированного хаоса, этнологии, теории цивилизаций и прочих теоретических историях. Цель настоящей работы – посмотреть в самом первом приближении, где здесь точная наука, где эпистемология, а где эклектика или просто спекуляции на терминах. В связи с обширностью темы ссылок на работы других авторов должно быть необъятное количество, поэтому их подбор будем считать ограниченным и субъективным. Их достаточно для того, чтобы заинтересовавшийся темой читатель мог продолжить изучение вопроса самостоятельно.

Общество состоит из личностей, людей с их страстями, достоинствами, недостатками, болезнями, победами и поражениями, поэтому странно, что биология человека и отчасти его психология не входили в список наук об обществе. Ошибочность такого подхода стала очевидной в последние десятилетия в связи с успехами психофизиологии и психогенетики человека, ведь общество прямо влияет на пути его генетических трансформаций, а

спектр поведенческих свойств людей формирует общество [6; 7]. Результаты исследования генома человека, механизмов и путей его эволюции, в ближайшие годы должны повлиять на общественные процессы [33].

Поэтому начнём с результатов исследований физиологии высшей нервной деятельности и психофизиологических диагностик патологий, так как в основе психики любого человека в норме лежит набор генетически заложенных психофизиологических комплексов, которые за пределами нормы дают психологические патологии – психозы и фобии [8]. Психофизиологические параметры определяют поведенческие свойства организма при его взаимодействии со средой [9; 10]. Для человеческой личности эти её свойства актуализируются в связанном с формированием нейронной сети процессе научения, для этого в социальной среде эволюционно сформировано этническое информационное поле популяции, содержащее системы социальных представлений, социокод, культуру и институциональность [11; 12; 13]. Система дуальна, то есть формирование нейронной сети требует наличия информационного поля достаточной плотности (среда богатая или бедная), а в небольшой степени, на некоторых этапах научения, формирование нейронной сети может переходить под когнитивный контроль [14]. Классификация психофизиологических и психологических комплексов ещё окончательно не устоялась, наиболее адекватной представляется классификация акцентуаций П. Б. Ганнушкина и Личко (13 типов), в основном совпадающая с данными теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера [15]. Из этих работ следует, что каждый человек в норме имеет передаваемый генетически индивидуальный набор порогов актуализации поведенческих параметров, это определяет особенности его характера при функционировании в среде.

Исследования психофизиологических комплексов человека и их связи с поведенческими параметрами идут в основном по следующим направлениям.

1. Исследование функций и структуры мозга современными экспериментальными средствами.

2. Исследование наследования психологических и психофизиологических патологий методом моделирования генных сетей.

3. Психогенетические исследования, особенно близнецовый метод.

Исследования по первому пункту можно считать в основном научными, они развиваются бурными темпами. Различные способы картирования мозга, анализ электрической и магнитной активности различных его участков, различных видов томография и т. д. дают связь анатомии, морфологии и физиологии мозга с механизмами памяти, поведенческими (бихевиористическими) и эмоциональными (оценочными) функциями организма, иногда в связи с информационным воздействием и оперированием информацией [16]. Многие функции мозга являются

интегративными, то есть за них отвечает мозг в целом, объяснение этих данных является наиболее сложным. Здесь иногда используют аналогию с голографическими системами; как аналогия такое предположение имеет право на существование, но сведение механизмов к голографическим является спекуляцией, так как не выдерживает простейших физических оценок [17]. Наиболее полную информацию о взаимодействии нейронной системы организма с информационной компонентой среды даёт теория физиологических систем (ТФС) П. К. Анохина [9; 10]. Мотивация, целеполагание, опережающее отражение, афферентный анализ и синтез, телеологический и каузальный типы мышления естественным образом вытекают из архитектоники психофизиологической системы организма. С этих позиций должны по идее формироваться методики психологических исследований, опросники и прочие инструменты психологии, чего зачастую нет, в этих случаях и получают спекуляции.

Исследование наследования психофизиологических и психофизиологических патологий методом моделирования генных сетей является важнейшим для нашего рассмотрения [18]. Их предшественник – исследование взаимодействия пространства генотипов с пространством фенотипов (Левонтин), но в новом наполнении, и вот почему эти исследования для нас важны. Можно предположить, что типы распределений психофизиологических параметров в статистиках популяции отвечают за её институциональные свойства, то есть определяют подходящий ей по минимальному базовому стрессовому напряжению (термин социальной психологии) тип социальной, идеологической и экономической структуры, то есть институциональную матрицу [13; 19; 20]. Чтобы институциональность реализовалась, должны взаимодействовать «достаточно много» членов популяции, то есть должны работать коллективные эффекты.

Повышение базового стрессового напряжения может происходить по двум причинам: из-за изменений свойств среды и в связи с вариациями типов распределений психофизиологических параметров в статистиках популяции. Вариации распределений психофизиологических параметров типа демографических волн могут возникать из-за селективного отбора в некоторых фазах исторического процесса [21]. Их адапционное восстановление происходит, в соответствии с законом Харди–Вайсберга, в основном в течение двух – трёх поколений, это время зависит от порядка наследования варьируемых типов психофизиологических комплексов. Порядок наследования и должен дать исследование психологических и психофизиологических патологий методом моделирования генных сетей. Методики очень сложные, пока это начало пути. Генетические исследования, которые сейчас идут широким фронтом [22], должны в ближайшее время дать пищу для размышлений над возможными дальнейшими путями

развития человечества как биологического вида, в частности, важным является вопрос об изменчивости и наследуемости признаков, временах и механизмах закрепления адаптивных изменений на генетическом уровне.

Психогенетические исследования дают информацию о степени наследования поведенческих функций, то есть пытаются найти в этой области границы влияния генных и средовых факторов [23; 24]. Эти исследования ведутся с использованием методик психологии, в них присутствуют и поведенческая и информационная компоненты, поэтому валидность нужно доказывать в каждом случае отдельно, наиболее сложно разделить средовые и наследуемые факторы. Тем не менее, результаты выполненного близнецовым методом большого объёма психогенетических исследований можно считать вполне надёжными [25]. Исследования показывают, что наследуемость сложных поведенческих функций составляет не менее 50 %, в то время как средовые факторы формируют поведение на 30 %. Это можно считать прямым научным результатом, с которым связана большая группа эпистемологических концепций. Любой наследуемый генетически психофизиологический поведенческий комплекс требует специфического информационного наполнения, по этой схеме формируются гештальты в гештальтпсихологии, мемы Р. Докинза, концептуальные примитивы модели мира личности в социальной психологии и, в конечном счёте, в этом причина высокой устойчивости культурных и институциональных параметров этноса. На настоящий момент это эпистемология, ввиду скудности данных дифференциальной психофизиологии. Неясны пределы и критерии адаптационной гибкости, то есть избирательности психофизиологических комплексов относительно информационной компоненты. Частично эти положения и закономерности маскируются ввиду амбивалентности человеческого мышления, ситуационного разброса в принятии поведенческих решений [15]. Из-за бурного развития средств коммуникации, обмена информацией, во многих случаях (характерный пример – Россия) экологические отходы производства социальной информации и прямое идеологическое влияние информационных потоков разрушают этническое, национальное информационное поле. А это через социально индуцируемые неврозы и психосматику, наряду с другими факторами социального развития, прямо влияет на демографию и другие жизненно важные для народов показатели [6; 7].

Следующий уровень – попытки описать систему языком точных наук, физики и математики. В описании с позиций классической термодинамики сложности начинаются уже в области органической химии, на границе биологии и химии. Чтобы понять эти сложности, не утонуть в ворохе мнений и подходов, будем опираться на работы профессионала именно в этой области, зав. лабораторией Института химической физики РАН

им. Н. Н. Семёнова, д. х. н. Г. П. Гладышева, в частности, его работу: «Второе начало термодинамики и эволюция живых систем» [26]. Формулировки второго закона термодинамики, которые связаны с именами Н. Л. С. Карно (N. L. S. Carnot, 1824), Р. Клаузиуса (R. Clausius, 1850) и У. Томсона (Кельвина) (W. Thomson, Kelvin, 1851), можно считать эквивалентными. В кинетической теории газов второе начало обосновывают *H*-теоремой Больцмана. Здесь символ *H* соответствует *H*-функции (точнее – функционалу) Больцмана, определяемой через средний логарифм функции распределения частиц. *H*-функция Больцмана пропорциональна энтропии **идеального** газа. В статической физике выявляется физический смысл энтропии. «Необходимо особо заметить, что обоснование статистической природы второго начала, представленное Л. Больцманом, как и статистическое обоснование феноменологической термодинамики, данное Дж. У. Гиббсом, связано с рассмотрением идеальных моделей, например, модели идеального газа. Для более сложных систем, в которых наблюдаются заметные (особенно, сильные) взаимодействия между частицами (молекулами), проводить вычисления чрезвычайно затруднительно. В связи с этим становится очевидным, что подобные модели вряд ли могут быть эффективными при изучении подавляющего большинства природных систем (например, биологических), т. е. систем, которые далеко не соответствуют идеальным или простейшим моделям». «<...> Чисто физический подход (а не физико-химический подход) к проблемам зарождения жизни, биологической эволюции и старения живых существ привёл ко многим недоразумениям и, я бы даже сказал, – к трагическим ошибкам, в области науки о жизни. Здесь достаточно упомянуть заблуждения Л. Больцмана, Э. Шрёдингера, И. Пригожина и других исследователей, которые, в той или иной степени, пренебрегая работами Дж. У. Гиббса, недооценили возможности термодинамики». «Термодинамика» И. Пригожина фактически не имеет физического смысла. Математически в теории детерминированного хаоса объект описывается системой нелинейных уравнений в частных производных, в феноменологии У. Гиббса уравнения линейны для более широкого класса задач, поэтому их удается в этих случаях решить. Ключевым является понятие равновесия, как в изолированных, так и в открытых системах, и решения чаще всего интересны именно для этих случаев, исследование структурирования сводится к измерению времён жизни элементов структурной иерархии, находящихся в динамическом равновесии (иерархическая термодинамика) [26; 27].

Динамика социального структурирования во всех случаях определяется соотношением малых параметров, имеющих сложные нелинейные взаимные связи. Отследить эти параметры в реальной ситуации практически невозможно, поэтому решения дают вероятности возникновения структур, локализацию же во времени и пространстве определить очень сложно. Как в

метеорологии. Вся эта феноменология работает в рамках химических и биологических структур, её перенос в область социальных объектов, строго говоря, неправомочен, хотя наблюдаемые явления относительно времён жизни элементов социальной иерархии вроде бы подтверждают работоспособность в этой области. Поэтому такой перенос можно определить как эпистемологию на грани эклектики. Во многих работах с так называемым «синергетическим» подходом наукообразие обеспечивается трескучей терминологией – «бифуркации», «аттракторы» и т. д. так и мелькают, а суть чисто спекулятивная. Это часто дискредитирует действительно серьёзные работы в этой области. Любые расчёты конечной целью имеют оптимизацию процесса, общее же направление задается природными параметрами. Если же ставится задача управления направлением развития системы, то такая задача должна ставиться политически. Расчёты в этом случае становятся инструментом, и цели, и параметры оптимизации подчиняются главной цели. Это касается и задач социального развития, и экономических расчетов. Рациональность любого процесса можно определить только исходя из его цели, иначе она не имеет смысла.

Теперь посмотрим, каким образом гуманитарные науки пытаются описать социальную систему. Этнология – основа многих подходов в этой области. Научные (биологические) основания этнологии находятся в области дифференциальной психофизиологии и психологии и сильно тормозятся «шлейфом» исторических катаклизмов, идеологические основания которых инициированы явлениями по сути биосоциальными [28], изучаемыми социальной психологией, но задним числом их идеологии привязывают к результатам современных научных исследований [6; 7]. «Политкорректность» зачастую принимает уродливые формы, отвергая очевидные природные качества людей [29]. По этой же причине серьёзные результаты бихевиористики, социальной биологии игнорируются и не принимаются к практическому применению. Основной аргумент критиков социобиологии состоит в том, что поведенческие (бихевиористические) параметры в человеческом сообществе являются сверхальтруистическими по сравнению с сообществами животных [1]. Перелом должен наступить в ближайшее время в результате исследований генома человека, понимания его эволюции в современных условиях, смиренного принятия того факта, что от своей биологической природы человек никуда уйти не может, механизмы наследования альтруистических форм поведения не отличаются от других форм, биологическая природа родила человека, она же его закономерно когда-нибудь уничтожит, как и другие виды живых существ. У родителей-китайцев родится китаец даже в самой, что ни на есть, Центральной Африке или Америке. В бедной среде вырастет Маугли, но это будет китайский Маугли. Воспитанный в другой культурной среде он воспримет эту культуру,

но по-китайски, то есть будет «немного Маугли». Какие скрытые неврозы и фобии при этом у него формируются – неясно. И «это ни хорошо, ни плохо, это есть», как сказал А. Зиновьев в одном из своих телевизионных интервью. Основная проблема социологии в терминах совместимости этносов, агрессии, толерантности, комплиментарности и т. д., таким образом, смыкается с естественными науками в области психогенетики, исследования пределов адаптационной гибкости генетически наследуемых психофизиологических структур в динамике геном-средовых взаимодействий и влияний [23; 24].

Итак, по определению: «Этнос – это большая социальная группа, возникшая и развивающаяся на основе общности языка, моделей поведения и групповой идентичности, которые транслируются через поколения». Этнология «генерирует объяснительные модели и теории для других наук, изучающих этнос. В частности, она систематизирует, обобщает и истолковывает этнографический материал, выступая тем самым в роли теории по отношению к этнографии и разрабатывая для неё концептуальный аппарат. Цель такой работы – выявление и анализ специфических этнических закономерностей, которые наслаиваются „поверх закономерностей исторических, социальных, экономических процессов”. Для выполнения данной функции этнология оперирует многими общесоциологическими понятиями, такими как „стратификация”, „процесс”, „традиция”, „роль” и др. Так же как и социология, этнология использует ценностный подход, хотя применяется он в другом ракурсе, большей частью для исследования формирования этнической картины мира и динамики традиционной культуры» [30]. Можно констатировать, что в этом случае ценностный подход является в основном валидным, хотя в каждом случае контроль должен быть достаточно жёстким, и ещё раз отметим, что это должны быть ценности объекта исследования, а не исследователя.

Общей теории у этнологии нет, не очень удачная попытка её создания – концепция Л. Гумилева, в её основе лежит понятие пассионарности. Пассионарность – это свойство организма личности, вытекающее из её психофизиологических параметров. Пассионарии – личности психопатические, чаще всего шизоидного и истероидного типа. Когда таких личностей становится много, то растёт пассионарное напряжение, это фактически одно из возможных следствий роста базового стрессового напряжения (деградация тоже одно из возможных следствий). Причины же дезадаптации, ведущей к росту базового стрессового напряжения, могут быть связаны как со средовыми, так и с генетическими факторами. Структурные перестройки происходят не только в связи с пассионарностью, она не является валидным индикатором базового стрессового напряжения. Сведение всей динамики социального процесса, зарождения и развития информационного поля этноса с его культурологическими и институциональными свойствами к

пассионарности неверно, она зависит не только от пассионарности, это гораздо более сложный процесс, связанный с динамикой как генной сети этноса, так и среды его обитания [31]. Какую-то информацию непонятно как измеренная пассионарность вроде дает, на тысячелетней кривой пассионарного напряжения этноса есть колебания со столетним периодом, как раз близко к циклам вариаций структуры спектра психофизиологических комплексов по закону Харди – Вайсберга. Но это мало о чем говорит.

Социально-экономические теории движущей силой социально-исторического процесса считают борьбу за ресурсы, исторические циклы в них регламентируются динамикой развития производительных сил и производственных отношений. Таких теорий (основных) две, они являются ядром идеологий, которые обосновывали главные социальные катаклизмы последнего столетия. Это марксистская теория и теория рыночного фундаментализма (ранее это была теория капитализма, но в связи с работами Маркса и его последователей слово было дискредитировано). Обе эти теории рождают игнорирование или недоучёт этнических различий и этно-социальных процессов – марксисты классифицируют людей по отношению к собственности на средства производства, а рыночный фундаментализм оперирует понятием «человек-потребитель», «экономикс». Такой подход можно интерпретировать как нарушение границ применимости теорий. Попытки учесть этно-социальные процессы в рамках этих теорий решают задачу лишь частично, полностью устранить противоречия и построить единую модель мирового сообщества не удаётся, хотя такие попытки и предпринимаются [32].

Далее по логике наших рассуждений должны следовать культурологические и цивилизационные концепции. Дифференциация культур, насколько можно понять, не имеет чётко сформулированных классификаций свойств, даже на основе ценностного подхода, поэтому говорить о научности этих концепций сложно. Если в биологической классификации видов, родов, классов и т. д. есть чётко сформулированные основания, то здесь почти полный произвол. Отсюда частые метафорические и давящие на эмоции примеры и непонятно на чём основанные доводы Тоффлера, Хаддингтона, Ф. Фукуямы и прочих, в том числе российских, аналитиков. Это можно расценивать как информационную борьбу, современный способ естественного отбора. Любая высказанная на широкой аудитории «носителем мнения» точка зрения или положение найдёт какое-то количество личностей, воспринимающих его как истинное, как руководство к действию, так как оно соответствует его мифологизированной модели мира и соответствует поведенческим параметрам. Это базовое положение всех «молекулярных» и «оранжевых» революций. Далее этих людей нужно активизировать, и готово дело. Таков механизм десакрализации многих

положений культур и систем социальных представлений, разрушения информационного поля этноса. На нём основан основной механизм глобализации, на нём и на «личной материальной заинтересованности» некоторой части населения, становящейся конформистами и формирующими компрадорскую компоненту национальной буржуазии. Поэтому процесс глобализации – это естественный природный биологический процесс формирования всемирной иерархической пирамиды в условиях высокого уровня развития средств коммуникации и влияния. Положения идеологии рыночного фундаментализма, свобода обмена информацией и защита «прав и свобод личности», сформулированные как постмодернизм, способствуют этому процессу. Разрушение информационного поля этносов, так называемая гомогенизация, является побочным явлением этого процесса. Но с позиций биологии это – потеря внутривидового многообразия, признак деградации вида, что сокращает время его существования. Положения постмодернизма выключают положительный естественный отбор, это и чревато деградацией. Так что собственно разумность в современном глобальном процессе никак не просматривается [33].

Альтернативой рыночному фундаментализму может стать идеология ноосферной цивилизованности, также соответствующая биологической природе человека. Для уменьшения эффектов деградации нужно принять меры к защите национального информационного поля от разрушающих его внешних влияний. Две сферы являются важнейшими в этом отношении: сфера образования и средства массовой информации. Вседозволенность СМИ необходимо заменить системой общественного контроля, в первую очередь должна быть исключена информация, оскорбляющая общественную нравственность. Основным критерием прогресса должна стать не голая экономическая эффективность, а качество жизни на основе национального самосознания с одновременным уважением чужой самобытности и суверенитета. Разработка социальных, экономических и индустриальных технологий, адекватных этническим и институциональным параметрам народов, должны стать главными задачами социологии и экономики. Если евреи ашкенази в результате тестирования некоторыми тестами являются самой умной популяцией в мире, то пусть они используют свой ум для добывания знаний, а не для ограбления (на основе честной конкуренции!!) своих «менее умных» собратьев. По другим тестам (то есть для других средовых условий) самыми «умными» могут оказаться эскимосы Аляски, их соседи по континенту. Никому не нужно уподобляться лягушке из басни, увидевшей пасущегося на лугу быка и попытавшейся раздуться до его размеров. Нег хороших или плохих популяций, есть разные популяции. Эволюционно сформировавшиеся на уровне популяции и этноса механизмы коллективного выживания должны быть распространены на все

человечество. Это должно уменьшить угрозы человечеству, исходящие из эволюции его внутренних параметров, а также работать на противодействие угрозам на глобальном и космическом уровнях [34].

Некоторые наиболее важные положения такой идеологии были сформулированы Н. Н. Моисеевым как экологический и нравственный императивы [28]. Как эволюционным образом свернуть на этот путь, учитывая все современные проблемы – экологические, демографические, социальные и так далее, не потеряв при этом темпы технического и научного прогресса, – это и есть задача, достойная разумного человечества. Какие конкретные шаги нужно предпринимать в настоящее время для её решения – пока не очень ясно, но основные моменты и шаги могут уже быть определены. Будущее будет за той партией, которая возьмёт на вооружение эти идеи, эту идеологию.

Вот такая утопия, если это утопия. Потому что иные пути – это движение по инерции биологических процессов, без использования данного нам Природой разума.

Литература

1. Большой толковый социологический словарь. – М.: ВЕЧЕ*АСТ, 1999.
2. Воронцов С. С. О свойствах мышления. Сфера бессознательного и мифы // *Sententiae*. Спецвыпуск № 2 / 2004. – С. 133–142.
3. Светлов В. А. Современная логика. – СПб.: Изд. дом «Питер», 2006.
4. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / Пер. А. Костиковой и Д. Кралечкина. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги. – Т. 1–2. – М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
6. Воронцов С. С. Концепции мироустройства, идеологии и социальные практики // *Sententiae*. Спецвыпуск № 1 / 2005. – С. 192–223.
7. Воронцов С. С. Концепции мироустройства, идеологии и социальные практики. Часть 2. Актуальная антропология // *Sententiae*. Спецвыпуск № 1 / 2006. – С. 175–230.
8. Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика. Некоторые общие соображения и данные // Психология индивидуальных различий. Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. – М.: Изд-во МГУ, 1982.
9. Анохин П. К. Теория функциональной системы // Успехи физиологических наук. – 1970. – Т. 1. – № 1. – С. 19–54.
10. Анохин П. К. Философский смысл проблемы естественного и искусственного интеллекта. – Вопросы философии. – 1973. – № 6. – С. 83–97.
11. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 1, 2.

12. Петров М. К. Язык. Знак. Культура / Изд. 2-е. – М.: Наука, 2004.
13. Giddens A. Elements of the Theory of Structuration // The Constitution of Society. – Cambridge: Polity Press, 1984.
14. Психофизиология. Учебник для ВУЗов / Изд. 2-е. Под ред. Ю. И. Александрова. – СПб.: Изд. дом «ПИТЕР», 2001.
15. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. – СПб.: Речь, 2000.
16. Мозг и сознание // В мире науки. – 2008. – Вып. 1.
17. Судаков К. В. Эволюционный изоморфизм в построении устойчивых сообществ // Устойчивое развитие. Наука и практика. – 2003. – № 2.
18. Ananko E.A., Podkolodny N. L., Ignatieva E. V., Podkolodnaya O. A., Stepanenko I. L., and Kolchanov N. A. GeneNet system: its status in 2002 // Proc. III Intern. Conference on Bioinformatics of Genome Regulation and Structure (BGRS'2002), Novosibirsk, 2002. – p. 70–73.
19. Курдина С. Г. Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – № 1. – С. 101–115.
20. Курдина С. Г. X и Y экономики. Институциональный анализ. – М.: Наука, 2004.
21. Воронцов С. С. Генетические факторы социального процесса // Сорокинские чтения по социологии. Тезисы докладов. – М., 2005.
22. 1000 Genomes Project [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.1000genomes.org/page.php?page=data>
23. Равич-Щербо И. В., Марютина Т. М., Григоренко Е. Л. Психогенетика: Учебник для ВУЗов. – М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 1999.
24. Мальх С. Б., Егорова М. С., Мешкова Т. А. Психогенетика: Учебник для ВУЗов. – Т. 2. – СПб.: Изд. дом «Питер», 2008.
25. Plomin R., DeFries J. C., McClearn G. E. Behavioral Genetic. A primer. Freeman a. Company, N.Y., 1990, p.401.
26. Гладышев Г. П. Супрамолекулярная термодинамика – ключ к осознанию явления жизни. – М.; Ижевск: ИКИ, 2003.
27. Хазен А. М. Разум природы и разум человека. – М.: НТЦ Университетский, 2000.
28. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 3–30.
29. Heritability. First published Thu Jul 15, 2004; substantive revision Thu May 28, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/heredity/#ProRecForFurRea>
30. Денисова Г. С., Радовель М. Р. Этносоциология. Методологические проблемы этнической социологии. Этносоциология как научная дисциплина. Этносоциология в структуре наук об этносе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://society.polbu.ru/denisova_ethnosociology/cho2_ii.html
31. Гуц А. К. Глобальная этносоциология. – Омск: ОмГУ, 1997. – С. 10.
32. Семенов Ю. И. Экономическая антропология // Этнология в США и Канаде. – М., 1989. – С. 62–85.

33. *Воронцов С. С.* Постмодернизм как «социальный солипсизм». Анализ с позиций актуальной антропологии // *Философия и космология 2009*. Полтава: Полтавський літератор, 2009. – С. 187–196.
34. *Турчин А. В.* Структура глобальной катастрофы. Риски вымирания человечества в XXI веке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scribd.com/doc/7529531/>
35. *Философский Энциклопедический Словарь*. – М.: ИНФРА-М, 2007.

